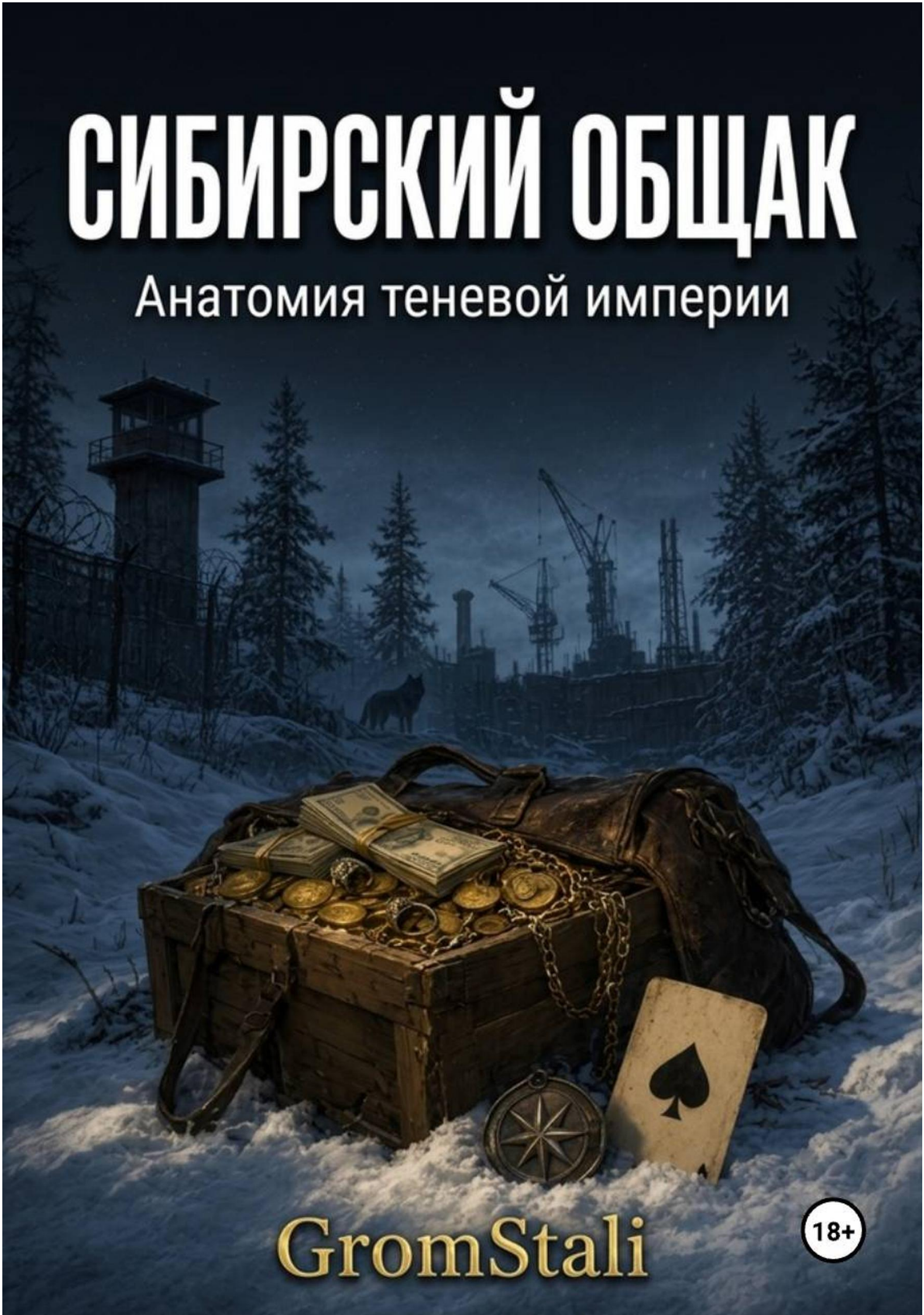
СИБИРСКИЙ ОБЩАК

Анатомия теневой империи

GromStali

18+

Grom Stali

Сибирский общак

«Автор»
2026

Stali G.

Сибирский общак / G. Stali — «Автор», 2026

От кровавых разборок Москвы девяностых и штурмов Тобольского бастиона — до ледяных туманов питерских Шушар.Степан Воронов по прозвищу Варяг — бывший капитан-десантник и легендарный авторитет сибирских «Северных». Он давно отошел от дел в глухую таежную заимку, но старые долги и воровской кодекс чести заставляют снова взять в руки оружие. Питерские теневые дельцы и оборотни в погонах готовят дерзкую контрабанду стратегического ракетного металла на сорок миллионов долларов, а вину пытаются повесить на сибирский общак, наняв отморозков-двойников.Чтобы отстоять свой почерк, наказать предателей и не дать уйти за кордон национальному достоянию России, Варяг и его верный снайпер Смурф идут на негласный союз с лучшими оперативниками МУРа. Сорок глав жесткого мужского противостояния, где закон держится на острие ножа, а точка ставится свинцом.

© Stali G., 2026
© Автор, 2026

Grom Stali
Сибирский общак

Глава 1: Кровь на талом снегу

Степан «Варяг» Воронов не любил перемены, но в 1994 году они наступали со скоростью автоматной очереди. Декабрьский московский вечер душил город серой кашей из талого снега, копоти и дешевого бензина. На заднем сиденье новенького, еще пахнущего конвейерной кожей «Мерседеса-140», Варяг молча курил, глядя, как дворники размазывают грязь по лобовому стеклу.

Ему было тридцать два. Бывший капитан-десантник, прошедший Кандагар, теперь он возглавлял силовой блок Северной ОПГ. На смену армейскому камуфляжу пришли тяжелое кашемировое пальто и золотой крест на массивной цепи, но привычка оценивать любое пространство как зону возможного обстрела осталась навсегда.

— Степан Андреич, на хвосте чирик чистый, — глухо процедил с переднего сиденья Лёха «Штырь», молодой боец с заплывшим левым глазом — напоминание о недавней стрелке с кавказцами. — Третью улицу за нами суки идут. Девятина глухая, без номеров.

Варяг не повернул головы. Он лишь слегка затушил сигарету о край дорогой встроенной пепельницы.

— К рынку не сворачивай. Там люди. Веди за промзону, к старым складам, — голос Степана звучал ровно, как гул работающего трансформатора. — Штырь, ствол проверил?

— ТТшник со мной, Андреич. Полный магазин.

Варяг залез во внутренний карман пальто и вытащил тяжелый, холодный ПСМ. Этот пистолет он ценил за плоскость — под одеждой не видно, но бьет насквозь. Времена кулачных разборок и кожаных курток ушли. Сейчас вопросы решались быстро, шумно и безжалостно. Кто первый нажал — тот и прав, а суды и законы существовали в какой-то другой, параллельной России.

«Девяносто девятая» с тонированными в ноль стеклами пошла на обгон, когда «Мерседес» свернул в глухой, неосвещенный переулок между бетонными заборами. Машину Варяга резко подрезали. Тормоза взвизгнули, тяжелый немецкий седан накренился, вжимая пассажиров в кресла.

Двери «девятины» распахнулись одновременно. Из нее выскочили трое — в черных вязаных масках, с укороченными автоматами Калашникова наперевес.

— Назад, Штырь! Назад бей! — рявкнул Варяг, падая на пол между сиденьями.

Первая же очередь разнесла лобовое стекло «Мерседеса» в мелкую крошку. Лёха не успел включить заднюю передачу. Несколько пуль прошили кузов, ломая приборную панель. Штырь дернулся, захрипел, рухнув головой на руль. Клаксон бешено, непрерывно закричал на весь пустырь, разрезая зимнюю тишину.

Варяг выбил ногой заднюю дверь со стороны забора, вываливаясь прямо в грязное месиво из льда и мазута. В ушах звенело от оглушительного воя сигнала.

Один из нападавших уже обходил машину, держа ствол на уровне груди. Варяг среагировал на инстинктах, вбитых годами войны: перекат, упор на локоть, два коротких выстрела снизу вверх. Пули ПСМ пробили киллер подбородок и вошли в череп. Мужчина рухнул навзничь, автомат бесполезно выстрелил в серое небо.

Второй нападавший повернулся на звук, но Варяг уже поднялся на колено. Три выстрела в корпус — четко, хладнокровно. Бандит согнулся, роняя оружие, и повалился в грязь, пачкая талый снег густой, почти черной в темноте кровью.

Третий, поняв, что налет сорвался, прыгнул обратно в «девятую» и рванул с места, обдирая бок о бетонный забор. Неоновые габариты машины растаяли в темноте так же быстро, как и появились.

Клаксон «Мерседеса» продолжал орать. Степан подошел к передней двери и выключил зажигание. Наступила звенящая тишина, нарушаемая только тиканьем остывающего мотора и капающей с капота водой. Лёха был мертв — три пули в грудь.

Варяг подошел к первому убитому, наступил тяжелым ботинком на прижатую к земле руку и сорвал с лица черную маску. Лицо парня было молодым, едва за двадцать, на щеке синела татуировка в виде оскаленной волчьей морды.

«Курганские», — понял Варяг. Война за столичные рынки и нефтебазы переходила в фазу полного истребления. Молодые и голодные волки из регионов не признавали никаких авторитетов, старых понятий и договоренностей. Они просто приходили убивать.

Степан вытащил из кармана платок, тщательно вытер рукоятку пистолета и спрятал его обратно. Нужно было уходить, пока не приехали менты или подкрепление. Он развернулся и пешком пошел в сторону Садового кольца, растворяясь в промозглых московских сумерках. Впереди была большая, кровавая зачистка.

Глава 2: Волчий закон

Москва середины девяностых жила по двум календарям. Один — официальный, с бесконечными инфляциями, указами президента и серыми очередями у станций метро. Второй — негласный, где время отсчитывалось от одной заказной ликвидации до другой. На Садовом кольце, куда Варяг добрался через сорок минут пешком, этот контраст резал глаза. Мимо обшарпанных хрущевок с заколоченными фанерой витринами проносились вишневые «Гранд-Чероки» и брутальные «Гелендвагены», увозя хозяев новой жизни в дорогие рестораны, где бутылка французского коньяка стоила как годовая зарплата инженера.

Степан зашел в телефон-автомат возле станции «Сухаревская». Короткие гудки сменились хриплым басом «Седого» — Олега Петровича, старого вора в законе, который когда-то разглядел в бывшем десантнике не просто тупого исполнителя, а человека с головой.

— Петрович, на связи, — не называя имен, глухо произнес Варяг, прижимая трубку к уху плечом, пока пальцы пересчитывали оставшиеся патроны в кармане пальто. — У меня минус один. Штыря больше нет. Машину под списание в промзоне на Канатчиковском. Сработали волки.

На том конце провода повисла тяжелая пауза. Было слышно, как Седой тяжело, с надрывом кашляет — сказывались пятнадцать лет, проведенных в лагерях строгого режима, и чахотка.

— Дерзко берут, суки, — наконец ответил Седой. — Зубы отрастили, а берегов не видят. Приезжай в «Лабиринт» на Таганке. Там наши все собираются. Надо решать, Степа. Если сейчас их к ногтю не прижать, они нас прямо в офисах передушат.

Варяг повесил трубку, поймал у обочины потрепанную «копейку»-жигули с перепуганным мужиком за рулем, швырнул ему на торпеду стодолларовую купюру и коротко бросил: «На Таганку. Гони».

Ресторан «Лабиринт» полностью оправдывал свое название. Спрятанный в полуподвале старинного кирпичного здания, он охранялся плотнее, чем иные государственные объекты. У входа переминались с ноги на ногу четверо крепких парней в одинаковых кожаных куртках, под которыми явно угадывались очертания плечевых кобур. Увидев Варяга, они молча расступились, уважительно кивнув. В криминальном мире Москвы Воронова знали как человека, который слов на ветер не бросает и дважды не стреляет.

В вип-зале, прокуренном до такой степени, что сизый дым висел плотной пеленой под потолком, было людно. За длинным дубовым столом сидела вся верхушка Северной ОПГ. На столе громоздились бутылки дорогого виски, вазы с фруктами и пепельницы, заваленные окурками. Но никто не пил. Атмосфера была наэлектризована до предела.

В центре сидел сам Седой — высохший, с бледным лицом и цепким, ледяным взглядом профессионального игрока. Рядом с ним сидел «Боксер» — массивный мужчина с перебитым носом, руководивший рэкетом на крупнейших рынках столицы. Напротив расположился «Дипломат» — бывший комсомольский вожак, который теперь отвечал за легализацию доходов, вывод денег в офшоры и связи с коррумпированными чиновниками из мэрии.

Варяг сел на свободный стул в конце стола, не снимая пальто. На его рукаве все еще виднелось бурое пятно — кровь Лёхи Штыря.

— Ну что, Степан, расскажи почтенной публике, как тебя принимали, — Седой обвел присутствующих взглядом.

— Три ствола. Укороты, — ровно начал Варяг. — Ждали целенаправленно в слепой зоне, где камер нет и патрули не ходят. Наводка стопроцентная. Штыря срезали сразу, парень даже сообразить ничего не успел. Двоих я там оставил, один ушел на девятине без номеров. На убитом — татуха курганских. Волки пришли грабить наш огород.

— Это уже четвертый наезд за месяц! — Боксер с силой грохнул кулаком по столу, отчего звякнули фужеры. — Сначала они пресанули моих парней на Рижском рынке. Потом сожгли автосервис в Чертаново. Теперь на Варяга прыгают посреди бела дня! Да они охренели! Надо собирать всех бойцов, брать автоматы и выжигать их базу. До единого!

— Поори мне еще тут, — тихо, но так, что Боксер мгновенно осекся, осадил его Седой. Старик обернулся к Дипломату. — Что скажешь, умник? Что твоя бухгалтерия говорит?

Дипломат поправил дорогие очки в золотой оправе и аккуратно перелистнул лежащие перед ним бумаги.

— Сжигать базу — это пещерный век, Боксер. Курганские — это не просто отморозки с вокзала. За ними стоят очень серьезные люди из Тюмени, которые качают сибирскую нефть. Они хотят подмять под себя наши банки, через которые мы крутим общак. Если мы устроим полномасштабную войну в центре Москвы с привлечением ста человек, сюда приедет ОМОН, ФСК и спецназ. Нас просто закроют, а наши счета заморозят. Нужно действовать тоньше.

— Тоньше?! — Варяг впервые за вечер повысил голос, и в его интонациях прорезался металл, от которого даже Дипломат слегка отпрянул. — Моего водителя расстреляли в упор. Меня пытались нашпиговать свинцом. Какое «тоньше», Дипломат? На войне побеждает тот, кто уничтожает командный пункт противника. Если мы не ответим действием прямо сейчас, завтра курганские придут к тебе домой, и твои очки тебе не помогут.

Седой молча слушал, перебирая в руках четки из кости. Наконец он поднял руку, призывая к тишине.

— Степа прав. Воры живут по понятиям, но когда приходят черти и начинают резать без разбору — понятия отходят в сторону. Курганскими рулит Коля «Карась». Бывший физрук, конченый психопат, который считает себя царем горы. Он сейчас прячется на охраняемой даче в подмосковном поселке Переделкино. Там у него человек пятнадцать охраны, все с боевым опытом.

Старик посмотрел прямо в глаза Варягу.

— Степан. Официально мы никаких стрелок забивать не будем. Сделай так, чтобы Карась исчез. Тихо, но так, чтобы все остальные поняли — к Северным лезть нельзя. Возьми кого нужно из своих ребят. Оружие, деньги — все дадим. Но если провалишься — мы тебя не знаем.

Варяг медленно поднялся со стула.

— Мне не нужны сто человек, Петрович. Толпа только шумит. Мне нужны двое проверенных ребят, пара «мух» (реактивных гранатометов) и точный адрес его берлоги. К утру Карась перестанет быть проблемой.

Через два часа Варяг уже сидел в неприметном гаражном кооперативе на окраине Перово. Пахло сыростью, машинным маслом и порохом. На верстаке, под тусклой лампочкой, лежали разобранные автоматы АКС-74У, несколько импортных пистолетов «Глок» и два тубуса гранатометов РПГ-26.

Рядом с ним стояли двое. Первый — «Смурф», тридцатилетний снайпер, с которым Варяг делил один сухпай под Баграмом. Человек с напрочь атрофированными эмоциями и феноменальным терпением. Второй — «Кабан», огромный, под два метра ростом спецназовец, уволенный из органов за чрезмерную жестокость при задержаниях.

— Расклад такой, парни, — Варяг разложил на капоте старого «Москвича» нарисованную от руки карту поселка. — Объект — двухэтажный кирпичный особняк. Забор — три метра, под напряжением. По периметру ходят трое. Внутри дома — еще около десятка. Сам Карась сидит на втором этаже, из окон не высовывается. Ждет, что мы начнем забивать ему стрелки в ресторанах.

— Охрана плотная, — хмыкнул Кабан, загоняя патроны в магазин автомата. — Лобовым штурмом не взять, положат на подходе.

— Штурма не будет, — отрезал Варяг. — Смурф занимает позицию на водонапорной башне в четырехстах метрах от забора. Твоя задача — снять наружку и отключить прожектор. Кабан, мы с тобой заходим со двора через лесополосу. Закидываем первый этаж «черемухой» (газом) через окна, чтобы устроить панику, а потом я лично поднимаюсь на второй этаж. Карась нужен мне живым хотя бы на пять минут. Я хочу знать, кто из наших сдал ему мой сегодняшний маршрут. Внутри банды завелась крыса, и без имени этого гада я назад не вернусь.

Смурф молча кивнул, проверяя оптический прицел своей СВД. Кабан хищно оскалился. Они были готовы. Для этих людей, выброшенных новой эпохой на обочину жизни, война никогда не заканчивалась. Она просто сменила декорации с афганских гор на подмосковные леса.

Варяг взглянул на часы. Было два часа ночи. Самое время для визита вежливости. Он взял со стола автомат, передернул затвор и почувствовал, как внутри закипает та самая знакомая, холодная ярость, которая помогала ему выживать там, где другие ложились в землю.

.Глава 3: Ночной визит в Переделкино

В три часа ночи Подмосковье погрузилось в ту липкую, глухую темноту, которая бывает только глубокой осенью или в начале затяжной зимы. Поселок Переделкино, где когда-то советское государство выделяло дачи союзу писателей, теперь стремительно перерождался. Вместо скромных деревянных домиков за высокими заборами росли уродливые, монументальные замки из красного кирпича — крепости новой российской элиты.

Тяжелый уазик-«буханка» с выключенными фарами замер на просеке в трехстах метрах от забора дачи Карася. Мотор заглушили, и в салоне мгновенно воцарился холод. Слышно было только, как шуршит одежда и с тихим металлическим кликом встают на места затворы оружия.

— Смурф, ушел на точку. Время пошло, — не оборачиваясь, бросил Варяг.

Снайпер бесшумно выскользнул через заднюю дверь, растворяясь среди обледенелых стволов вековых сосен. За спиной у него в брезентовом чехле покоилась СВД с ночной оптикой. Его путь лежал к старой, наполовину заброшенной водонапорной башне, откуда весь двор особняка Карася просматривался как на ладони.

Варяг и Кабан остались в машине, выжидая положенные десять минут. Степан сидел, прислонившись затылком к ледяному стеклу. Мысли его были далеко не о Карасе. Его бес-

покоило другое: откуда курганские узнали точное время и маршрут его поездки? О том, что он поедет именно этой дорогой мимо промзоны, знали всего четыре человека. Седой, Боксер, Дипломат и покойный Лёха Штырь. Штырь отпадает — пули в его груди были слишком веским алиби. Значит, крыса сидит на самом верху. Кто-то из тех, кто сегодня в «Лабиринте» пил виски и рассуждал о «цивилизованном бизнесе».

— Время, Андреич, — глухо басонул Кабан, натягивая на лицо черную шерстяную балаклаву.

Они вышли из машины. На Кабане был тяжелый армейский бронежилет, поверх которого крепились подсумки с магазинами к автомату и две ручные гранаты Ф-1. Варяг шел налегке — в легком штурмовом жилете под расстегнутой курткой. В руках — укороченный АКС-74У с прикрученным глушителем «ТГП-А». На плече — тубус реактивной гранаты «Муха».

Они подошли к двухметровому бетонному забору с тыльной стороны усадьбы. Здесь, в слепой зоне между двумя прожекторами, лежал густой кустарник.

В наушнике рации, настроенной на закрытую армейскую частоту, раздался двойной короткий щелчок. Сигнал от Смурфа: он на позиции.

— Наружка, два персонажа, — зашелестел в эфире ледяной голос снайпера. — Один у крыльца курит, второй обходит гараж. Начну с дальнего. Ждите.

Варяг замер, прижавшись спиной к бетону. Секунды растягивались в минуты. На таком расстоянии выстрел снайперской винтовки с глушителем ПБС звучит не громче, чем щелчок пальцев.

— Минус один, — доложил Смурф. — Второй пошел к гаражу… Стоит. Минус два. Чисто. Входной прожектор у ворот я сейчас потушу.

Раздался едва слышный звон разбитого стекла — Смурф точным выстрелом разнес мощную галогеновую лампу над въездными воротами. Двор мгновенно погрузился в глубокую тень.

— Кабан, пошел, — скомандовал Варяг.

Кабан сцепил пальцы в замок, подсаживая Варяга. Тот сноровисто перемахнул через верх забора, предварительно набросив на колючую проволоку плотный брезентовый коврик, и мягко спружинил на обледенелую землю с той стороны. Через секунду рядом тяжело приземлился Кабан.

Они двигались вдоль стены длинного гаража, где ровным рядом стояли три новеньких автомобиля: «БМВ» седьмой серии, «Линкольн Таун Кар» и камуфляжный «Чероки». У крыльца дома, уткнувшись лицом в талый снег, лежал первый охранник. Вокруг его головы уже наплывало темное пятно. Варяг мельком взглянул на него — парень так и умер с сигаретой в зубах.

Дверь черного входа в особняк была заперта на массивный замок. Кабан вытащил из кармана небольшую монтировку, но Варяг остановил его рукой. Он указал на невысокое окно цокольного этажа, ведущее, судя по всему, в котельную или прачечную.

Кабан аккуратно надавил на стекло ломом. Оно треснуло с тихим хрустом. Выставив осколки, гигант первым пролез внутрь, за ним последовал Варяг.

Внутри пахло дорогим парфюмом, хорошим табаком и жареным мясом. Из глубины дома, со второго этажа, доносился приглушенный смех, звон бокалов и громкая музыка — играла какая-то попсовая немецкая группа. Курганские праздновали. Они были уверены, что вечерний налет на Варяга прошел успешно и теперь Северная ОПГ деморализована.

Они поднялись по узкой винтовой лестнице на первый этаж и оказались в просторном холле с мраморным полом. Прямо перед ними, на кожаном диване, сидели двое бандитов. Один лениво чистил пистолет, второй листал глянцевый журнал.

Варяг и Кабан вскинули стволы одновременно.

Две короткие очереди с глушителями прозвучали как негромкое шипение рассерженных змей. Охранники даже не успели потянуться к оружию. Тот, что чистил пистолет, откинулся на спинку дивана, заливая кровью дорогую кожу, а второй сполз на пол, судорожно дергая ногами.

— Кабан, держи первый этаж и лестницу, — шепнул Варяг. — Всех, кто дернется вниз — вали без предупреждения. Я наверх.

Варяг начал подниматься по парадной лестнице, стараясь наступать на края ступеней, чтобы они не заскрипели. Музыка становилась все громче. На втором этаже горел яркий свет.

Степан заглянул за угол. В конце коридора располагалась двустворчатая дубовая дверь, из-за которой и доносились голоса. Он подошел вплотную, прижался ухом к дереву.

— …да я тебе говорю, Сева, Северные теперь поплывут, — донесся хриплый, самоуверенный голос. Это был Карась. — Воронов у них был хребтом. Нет Варяга — нет ОПГ. Старик Седой завтра сам приползет ключи от рынков отдавать. Нам главное сейчас банковский сектор их дожать. Мне человек из их же конторы четко сказал: Дипломат уже готов договариваться, если мы ему жизнь сохраним.

Варяг замер. В груди словно повернулся холодный штырь. Дипломат. Вот она, крыса. Тварь в золотых очках, которая на совете больше всех кричала о «цивилизованном бизнесе» и вреде войны.

Степан отступил на два шага назад. Медлить больше было нельзя. Он сорвал с плеча тубус «Мухи», раздвинул его до щелчка и прицелился прямо в замок дубовой двери.

— Потанцуем, Карась, — тихо произнес Варяг и нажал на спусковую клавишу.

Коридор заполнил дикий, оглушительный рев реактивного двигателя. Кумулятивная граната в упор ударила в двери. Взрыв колоссальной силы разнес дубовые полотна в щепки, вместе с кусками стены вмяв их внутрь комнаты. Особняк вздрогнул до самого фундамента. Потолок в коридоре посыпался крупными кусками штукатурки, мгновенно заволакивая все вокруг едким серым дымом и гарью.

Внутри комнаты поднялся истошный, звериный крик. Музыка оборвалась.

Варяг швырнул пустой тубус на пол, перехватил автомат и сквозь пелену дыма ворвался в кабинет.

Картина внутри была жуткой. Огромный письменный стол из красного дерева был расколот надвое. Один из сидевших в комнате — видимо, тот самый Сева — лежал у окна, наполовину заваленный обломками, и не подавал признаков жизни. Сам Карась, раненый осколками в лицо и плечо, ползал на четвереньках по ковру, заливая его кровью и пытаясь наощупь найти улетевший в угол пистолет.

Варяг подошел к нему вплотную и с размаху наступил тяжелым армейским ботинком на его раненую руку. Карась взвыл от боли, снизу вверх глядя на пришельца дикими, полными ужаса глазами.

Степан медленно сорвал с лица маску-балаклаву.

— Привет, Коля, — тихо сказал Варяг, направляя дуло автомата прямо в переносицу лидера курганских. — Говоришь, нет Варяга — нет ОПГ? Ну, смотри на меня. Я перед тобой. А теперь давай подробно и в деталях: о чем именно вы договаривались с Дипломатом? И не вздумай врать, у меня ночь длинная, а патронов много.

Карась загнан в угол, а имя предателя раскрыто.

Глава 4: Пыточный мажор

Карась хрипел, ловя ртом воздух, перемешанный со строительной пылью и гарью. Его холеное, привыкшее к заграничным кремам лицо теперь представляло собой сплошное кровавое месиво. Осколки дубовой двери глубоко рассекли кожу, и левый глаз лидера курганских полностью заплыл багровой гематомой.

— Воронов… Ты же сдохнуть должен был… Мне сказали, тебя чисто умножили… — выдавил из себя Карась, пытаясь отползти назад, но тяжелый армейский ботинок Варяга давил на его раздробленные пальцы с силой гидравлического пресса.

— Тебя обманули, Коля. Век живи — век учись, — Степан наклонился ниже, обдав бандита холодным запахом пороха и зимней улицы. — Давай сначала. Дипломат. Когда он на тебя вышел? Что ты ему пообещал за мою голову?

Снизу, с первого этажа, донеслась короткая, глухая очередь — Кабан добивал тех, кто еще пытался подавать признаки жизни. Особняк медленно наполнялся тишиной смерти, нарушаемой только свистом ветра в разбитых взрывом окнах.

— Пошел ты… Варяг… Меня пацаны из Тюмени закроют, тебя из-под земли достанут… — Карась попытался плюнуть кровью в ботинок Степана, но промахнулся.

Воронов даже не изменился в лице. За годы в Афганистане и три года бандитских войн на улицах Москвы он разучился сопереживать врагам. Он просто вытащил из штурмового жилета массивный армейский нож с зазубренным обухом, присел на корточки и без единого слова вогнал лезвие Карасю под коленную чашечку, резко провернув его на девяносто градусов.

Комнату огласил такой дикий, истошный крик, что на люстре зазвенели уцелевшие хрустальные подвески. Карась забился в судорогах, его неповрежденная нога бешено забарабанила по окровавленному ковру.

— У нас мало времени, Коля, — спокойно, словно читая лекцию, произнес Варяг. — Снайпер на башне засёк, что к поселку со стороны шоссе уже идут три машины. Твоя смена едет или менты — мне без разницы. Я вытащу из тебя инфу вместе с кишками, если понадобится. Говори. Дипломат.

— Хватит! Хорош, Степа, хорош! — Карась зарыдал, теряя остатки своего бандитского величия. — Дипломат… Саня Дипломат сам на нас вышел две недели назад. Через банк «Столичный Кредит». Он сказал, что Седой старый, скоро сдохнет, а ты — отморозок, который умеет только стрелять и погубит весь бизнес.

— Ближе к делу. Какой был уговор? — Варяг вытащил нож, оставив в колене Карася глубокую, сочащуюся темной кровью дыру.

— Дипломат сливает нам все легальные точки Северных: нефтебазу в Капотне, три автосалона и долю в аэропорту. Мы убираем тебя и пугаем Боксера. За это Дипломат садится на общак Северной ОПГ, а Тюменские получают сорок процентов от всего транзита через Москву. Сегодня… Сегодня он позвонил в шесть вечера. Сказал, что ты поехал на «Мерсе» без охраны, только со Штырем, через промзону…

Варяг медленно поднялся. Все сходилось. Пазл сложился с идеальной, пугающей точностью. Дипломат решил стать единоличным хозяином империи Северных, сменив старые воровские понятия на чистый, неразбавленный капитализм курганского разлива.

В наушнике рации хрустнул голос Смурфа:

— Варяг, это Смурф. Машины на подходе к воротам. Три черных «Чероки». Дистанция двести метров. Из окон стволы торчат. Наших там точно нет. Рекомендую сворачивать лавочку.

— Понял тебя, Смурф. Начинай работать по колесам головной машины. Тормози их на въезде. Кабан, на выход! — рявкнул Варяг в микрофон.

Он посмотрел сверху вниз на Карася. Тот лежал, тяжело дыша, с надеждой глядя на Воронова. Он думал, что раз все рассказал, то заслужил право остаться в живых.

— Спасибо за информацию, Коля, — тихо сказал Варяг. — Но Штыря это не вернет.

Степан вскинул АКС-74У и одиночным выстрелом в упор размозжил Карасю голову.

Через секунду за окнами раздался тяжелый, хлесткий выстрел СВД Смурфа. Затем еще один. На улице бешено закричали люди, послышался скрежет металла и беспорядочная, яростная стрельба из автоматов — приехавшее подкрепление курганских вслепую заливало свинцом деревья и забор, пытаясь понять, откуда бьет снайпер.

Варяг скатился по лестнице на первый этаж, где его уже ждал Кабан. Гигант держал наготове две гранаты.

— Уходим через подвал, как зашли, — скомандовал Варяг. — Смурф их задержит на пару минут, но потом они окружат дом. Нам нужно успеть к «буханке».

Они выскочили через разбитое окно цокольного этажа обратно в морозную подмосковную ночь. Воздух за забором буквально кипел от выстрелов. Снайперская винтовка Смурфа огрызалась методично, снайперски точно — каждый его выстрел означал либо разбитый радиатор, либо труп в черном пуховике.

Кабан и Варяг рванули через лесополосу, проваливаясь в глубокий, грязный снег. Ветки деревьев хлестали по лицу, адреналин стучал в висках. Сзади, у особняка Карася, что-то громко ухнуло — видимо, взорвался бензобак одной из подожженных Смурфом машин. Небо над Переделкино окрасилось в зловещий, ярко-рыжий цвет.

Через пять минут тяжелого бега они вывалились к просеке, где стоял их уазик. Смурф уже был там — он ушел с вышки за минуту до того, как курганские сообразили прочесать верхние точки. Он спокойно складывал винтовку в чехол.

— Все трое живы? — коротко спросил снайпер.

— Живы, — выдохнул Кабан, запрыгивая за руль. — Гони отсюда, пока менты со всего округа не съехались. Тут такой шухер, что завтра по всем новостям крутить будут.

Уазик взревел мотором и, виляя между соснами, понесся по разбитой проселочной дороге в сторону МКАДа.

Варяг сел на заднее сиденье, достал из кармана пачку «Мальборо» и зажег сигарету. Огонек зажигалки на секунду осветил его каменное лицо. Первую часть задачи они выполнили — курганская верхушка в Москве была обезглавлена. Но главная гнида все еще сидела в центре столицы, ничего не подозревая.

— Кабан, куда Дипломат обычно ездит после полуночи? — спросил Варяг, выпуская струю дыма в полумрак салона.

— У него закрытый клуб на Новом Арбате. «Тропикана». Он там до утра с коммерсантами и шлюхами трется, дела перетирает, — ответил Кабан, не отрывая взгляда от темной дороги. — Думаешь, он еще там?

— Он ждет звонка от Карася, — ледяным тоном произнес Варяг. — Ждет новости о том, что меня закопали. Ну что ж… Мы сами привезем ему эту новость. Прямо в клуб.

Глава 5: Кровь на танцполе

Ночной клуб «Тропикана» на Новом Арбате был витриной победившего капитализма первой волны. Мигающий неоновыми пальмами фасад резал полумрак декабрьской Москвы, завлекая внутрь тех, у кого карманы топорщились от зеленых стодолларовых пачек. Обычному человеку сюда хода не было — на входе стояли глухая стена из бритоголовых парней в малиновых пиджаках и строгий фейсконтроль, отсекавший «нищету» еще на дальних подступах. Внутри пахло дорогим парфюмом, кокаином, импортным алкоголем и потом сотен бьющихся в экстазе тел под гремящий из колонок заграничный евродэнс.

Уазик-«буханка» замер за углом, в одном из темных арбатских переулков. Кабан заглушил мотор.

— Смурф, остаешься в машине, прикрываешь отход, — Варяг переодевался прямо в полумраке салона. Он скинул штурмовой жилет, убрал автомат под сиденье и снова надел свое тяжелое кашемировое пальто. На место армейских ботинок встали дорогие кожаные туфли. Из оружия он оставил только плоский ПСМ, привычно скользнувший во внутренний карман, и нож, спрятанный в рукаве. — Кабан, ты со мной. На тебе — охрана у входа. Сделаешь шумно — нам кости там же переломают. Внутри у Дипломата личная гвардия, человек пять личников.

— Сделаю красиво, Андреич, — Кабан хищно улыбнулся, натягивая поверх массивной шеи строгий темный костюм, из-за чего стал похож на высокооплачиваемого телохранителя из западного боевика. Автомат он сменил на тяжелый пистолет Стечкина (АПС) с примкнутым глушителем.

Они вышли из машины и неторопливым, уверенным шагом направились к ярко освещенному входу в «Тропикану». Зимний ветер швырял в лицо колючую крупу, но Варяг даже не застегнул пальто — рука постоянно должна была иметь прямой доступ к карману.

У стеклянных дверей клуба курили трое охранников. Увидев приближающегося Варяга, чье лицо в Москве знал каждый второй представитель криминального мира, они заметно напряглись. Старший из них, массивный парень с рацией на поясе по кличке «Бык», сделал шаг вперед, перегораживая дорогу.

— Степан Андреич, доброй ночи, — в его голосе сквозило натянутое уважение. — Дипломат сегодня отдыхает в приватной зоне. Просил никого не пускать. У него там важные терки с банкирами.

— Я как раз к нему, Бык. По очень важному делу, — Варяг остановился в полушаге от него, глядя прямо в глаза. — Пропусти.

— Не велено, Андреич. Обид не держи, работа такая, — Бык положил руку на рацию.

Это была его последняя ошибка. Кабан, двигавшийся чуть позади Варяга, сработал с грацией разъяренного медведя. Его огромная ладонь мертвой хваткой вцепилась в горло Быка, начисто перекрывая кислород и возможность закричать, а вторая рука вбила тяжелый пистолет глушителем прямо под дых второму охраннику. Раздался тихий, свистящий звук выдоха, и второй вышибала рухнул на колени, хватаясь за разорванную селезенку.

Третий охранник дернулся было кобуре, но Варяг уже стоял вплотную. Нож, выскользнувший из рукава, с ювелирной точностью прошил мягкие ткани под челюстью бандита, войдя до самого основания черепа. Парень обмяк мгновенно, сигарета выпала из его мертвых губ.

Кабан тем временем додушил Быка до глубокого обморока и аккуратно уложил оба тела за массивную декоративную кадку с искусственной пальмой возле входа.

— Чисто, Андреич. Двери заперты изнутри на защелку, открываю, — Кабан толкнул стеклянную створку.

Внутри их встретил плотный удар звуковой волны. Басы били по барабанным перепонкам так, что вибрировала одежда. Тысячи неоновых огней резали полумрак. На огромном танцполе бесновалась золотая молодежь, коммерсанты среднего звена и интердевочки, ловившие богатых клиентов. Никто из них не заметил двух мужчин, вошедших со стороны улицы.

Варяг уверенно двинулся через толпу, рассекая ее как ледокол. Кабан шел на полшага позади, контролируя фланги. Его тяжелый взгляд заставлял подвыпивших мажоров инстинктивно уступать дорогу.

Приватная зона располагалась на втором ярусе клуба, за огороженной балюстрадой из тонированного стекла. Туда вела широкая мраморная лестница, у подножия которой стояли двое личников Дипломата. Эти были посерьезнее обычных вышибал — бывшие собровцы, одетые в дорогие костюмы, с профессиональным взглядом, сканирующим толпу.

Один из них заметил Варяга, когда тот был еще в десяти метрах. Он мгновенно залез рукой под полу пиджака и потянулся к рации.

— Кабан, работай, — негромко бросил Варяг.

Кабан выхватил Стечкин. В условиях гремящей музыки тихие хлопки спецпистолета потонули в реве колонок. Две пули калибра 9-мм ударили первого собровца точно в центр груди. Он отлетел назад, сбивая спиной декоративный столик с бокалами. Второй успел вытащить свой «ТТ», но Варяг сработал на опережение. Его ПСМ дважды огрызнулся из кармана пальто, прошив ткань. Пули попали охраннику в шею. Он захлебнулся собственной кровью, медленно сползая по мраморной стене.

Варяг перешагнул через труп и начал подниматься на второй ярус.

Здесь, в вип-кабине, обставленной кожаными диванами, царила совсем другая атмосфера. Пахло дорогими сигарами. Александр «Дипломат» сидел в окружении двух топ-моделей и троих мужчин в строгих тройках — судя по лоснящимся лицам, крупных банкиров. Дипломат как раз разливал по бокалам коллекционный «Дом Периньон» и что-то весело рассказывал, активно жестикулируя холеными руками с массивным золотым «Ролексом» на запястье.

Он ждал звонка. На столике перед ним лежал огромный, редкий по тем временам спутниковый телефон «Бенефон». Дипломат ждал, когда Карась позвонит и скажет, что Варяг кормит червей под Переделкино.

Дверь кабины мягко открылась.

Дипломат не оборачиваясь бросил:

— Я же сказал, никого не пускать. Принесите еще льда и…

Он осекся, повернув голову. Бокал с шампанским замер в его руке. Губы Дипломата мгновенно побелели, а очки в золотой оправе чуть съехали на кончик носа. На пороге стоял Варяг. Его пальто было расстегнуто, лицо покрыто едва заметными следами копоти, а в опущенной правой руке тускло поблескивал ствол ПСМ, с которого на ковер капала чужая кровь.

За спиной Варяга, как монолитная скала, вырос Кабан, держа наготове АПС.

Модели испуганно пискнули, но Кабан коротко рыкнул: «Рты закрыли и к стене. Быстро». Девицы, поджав ноги, вжались в угол дивана. Банкиры замерли, боясь даже вздохнуть. Они прекрасно понимали, кто перед ними и чем заканчиваются такие визиты.

— Степа… — голос Дипломата сорвался на жалкий, сиплый фальцет. — Степочка… Ты как здесь? А где…

— Карась не позвонит, Саня, — Варяг подошел к столу, взял бутылку шампанского и аккуратно налил себе в пустой бокал. Сделал глоток, поморщился. — Кислое. Не люблю французское. Карась передавал тебе привет. Перед тем, как я вышиб ему мозги, он очень подробно рассказал, как ты сдал мой маршрут. И как ты собирался делить общак Северных с Тюменскими.

— Степа, это подстава! Это курганские волки все придумали, чтобы нас стравить! — Дипломат упал на колени прямо перед столом, пачкая дорогие брюки в пролитом алкоголе. Он протянул дрожащие руки к Воронову. — Клянусь матерью, Степа! Я бы никогда… Мы же с тобой с девяносто первого года вместе! Общее дело делали! Седой подтвердит, я каждую копейку в банк нес!

— Ты заигрался в бизнесмена, Саня, — Варяг посмотрел на него сверху вниз без тени жалости или злости. Только бесконечная, ледяная усталость. — Забыл, откуда у этого бизнеса ноги растут. Думал, если надел итальянский костюм и выучил слово «офшор», то стал бессмертным? За Штыря. За то, что крысил у своих.

Варяг вскинул пистолет.

— Степа, не надо!!! Я все отдам! Все счета в Швейцарии перепишу! Там три миллиона долларов! Степа-а-а!..

Сухой щелчок ПСМ оборвал крик Дипломата. Пуля вошла аккурат между глаз, пониже золотой оправы очков. Бывший комсомольский вожак и главный финансист Северной ОПГ рухнул лицом на осколки разбитого хрусталя.

Банкиры зажмурились, один из них тихо заскулил.

Варяг повернулся к ним:

— Деньги Северных в вашем банке лежат?

— В… в нашем, Степан Андреевич, — заикаясь, ответил самый старший, с проседью на висках. — Все в целости… Ни цента не пропадет, клянусь вам…

— Завтра в полдень жду отчет по всем счетам у Седого. Если хоть один доллар уйдет налево — я приду к вам домой. Вопросы есть?

— Нет, вопросов нет, все сделаем…

Варяг кивнул Кабану: «Уходим».

Они спустились по лестнице, прошли через все еще беснующуюся, ничего не подозревающую толпу на танцполе и вышли на свежий арбатский воздух. Неоновые пальмы «Тропиканы» продолжали весело мигать за их спинами.

В уазике Смурф молча перевел взгляд с Варяга на Кабана.

— Минус два? — спросил он.

— Минус один главный и его шестерки, — Варяг сел вперед, доставая сигарету. Пальцы его были тверды как скала. — Внутреннюю чистку закончили. Но теперь начнется самое веселое. Завтра Тюменские узнают, что их проект в Москве закрыт вместе с Карасем и Дипломатом. Они этого так не оставят. Кабан, гони в загородную резиденцию к Седому. Старик должен знать, что общак мы удержали, но впереди большая война.

Глава 6: Воровской расклад

Подмосковная усадьба Олега Петровича «Седого» в Салтыковке больше напоминала закрытый санаторий ЦК КПСС, чем прибежище вора в законе. Глухой четырехметровый забор из мореного дуба, кованые ворота с глухими стальными листами и вышки по углам, на которых дежурили парни с помповыми ружьями «Ремингтон» и рациями. Седой, стареющий патриарх старой воровской школы, не доверял электронике — он доверял людям, проверенным временем, и собакам. По периметру двора без привязи бегали три огромные кавказские овчарки, чей хриплый лай заставлял цепенеть случайных прохожих еще на дальних подступах к забору.

Уазик-«буханка» подкатил к воротам в половине пятого утра. Кабан коротко моргнул дальним светом — три длинных, один короткий. Из калитки высунулся плотный мужчина в армейском бушлате, вгляделся в лобовое стекло и махнул рукой. Тяжелые створки медленно поползли внутрь.

Варяг вышел из машины первым. Кашемировое пальто он застегнул до самого подбородка, пряча пятна копоти на рубашке. Изнутри дома, сквозь панорамные окна застекленной веранды, пробивался мягкий янтарный свет — Седой никогда не спал до рассвета. Болезнь и лагерное прошлое приучили его чутко реагировать на любой шорох в темноте.

Внутри пахло сушеными травами, дорогим табаком и старыми книгами. В большой гостиной у камина, где весело трещали березовые дрова, старик сидел в глубоком кресле-качалке, укутав ноги тяжелым шерстяным пледом. На небольшом столике рядом стоял неизменный серебряный подстаканник с крепким чифирем и раскрытая пачка «Беломора».

Напротив Седого, на кожаном диване, хмуро сопел «Боксер». Перед ним стояла наполовину пустая бутылка коньяка «Камю», а пепельница была забита окурками до краев. Судя по его взмыленному виду, он примчался сюда сразу после того, как до него дошли первые слухи с Нового Арбата.

— Пришел, палач, — глухо, без тени улыбки произнес Боксер, когда Варяг вошел в комнату. — Ты что творишь, Степа? Ты хоть понимаешь, под какой блудняк ты нас всех сейчас подписал? В «Тропикане» трупы штабелями лежат! Собровцы бывшие, люди Дипломата, сам Саня… Про Переделкино вообще молчу, там полпоселка на воздух взлетело! Менты на ушах, РУОП базы трясет!

Варяг даже не посмотрел в сторону Боксера. Он подошел к камину, протянул озябшие руки к огню и тихо произнес:

— Саня Дипломат был крысой, Боксер. Он сдал мой маршрут Карасю. Штырь мертв из-за него. Если бы курганские взяли меня на промзоне, следующим был бы ты. Твои рынки Карась уже расписал между своими тюменскими кураторами. Дипломат во всем признался перед тем,

как я пустил ему пулю в лоб. Его банкиры завтра в полдень принесут Петрович отчет по всем счетам. Общак на месте.

Боксер осекся, разинув рот, и перевел взгляд на Седого.

Старик долго молчал, перебирая четки из кости мамонта. Его бледное, испещренное глубокими морщинами лицо в колеблющемся свете камина казалось высеченным из камня. Наконец он тяжело вздохнул, закашлялся в кулак и поднял на Варяга свои воспаленные, но пугающе цепкие глаза.

— То, что Дипломат гнидой оказался — это я и сам чуял, Степа, — тихо сказал Седой. — Слишком много он про законы стал говорить, про заграницу. Забыл, на чьих костях его банки выросли. За то, что общак удержал и крысу вывел — тебе людское спасибо. Но то, как ты это сделал…

Старик сделал глоток черного, как смола, чая и жестко припечатал подстаканник к столу:

— Ты воровской закон через колено переломал, Варяг! Саня хоть и коммерсант был по сути, но в нашей семье числился. По понятиям надо было сходку собирать, предъяву кидать, воров созывать, чтобы всё по чести. А ты пришел и порешил его в кабаке, как бешеную собаку. Теперь по Москве слух пойдет, что у Северных беспредел начался, что молодые десантники авторитетов без суда валят.

— Петрович, времени на сходки не было, — ровно ответил Варяг, глядя старику прямо в глаза. — Пока бы мы воров созывали, Тюменские перевели бы все деньги на подставные фирмы в Лондон, а нас с Боксером отстреляли бы прямо на пороге этого дома. На дворе девяносто четвертый год, Петрович. Лагерные понятия против автоматов Калашникова и миллионов долларов больше не работают. Сейчас побеждает тот, кто стреляет первым.

— Ты мне, пацан, про понятия не рассказывай! — Седой вдруг резко приподнялся в кресле, и его голос обрел былую, лагерную мощь. — Я за эти понятия в Сибири здоровье оставил, пока ты под стол пешком ходил! Без понятий мы не ОПГ, мы — стая волков. Сегодня ты Дипломата шлепнул, а завтра тебе покажется, что Боксер не так посмотрел? Или я зажился на свете?

В комнате повисла звенящая, смертельно опасная тишина. Боксер инстинктивно вжал голову в плечи, косясь на дверь, за которой стояли верные Варягу Кабан и Смурф. Все понимали: если Варяг сейчас дернется — усадьба превратится в очередную братскую могилу.

Но Степан медленно расстегнул пальто, вытащил ПСМ и аккуратно положил его на столик перед Седым.

— Я под твоим знаменем хожу, Петрович, и под тебя копать никогда не стану, — тихо, но твердо произнес Воронов. — Ты мне жизнь спас, когда я из Афгана полубезумный вернулся и не знал, куда себя деть. Если считаешь, что я неправ — забирай ствол. Стреляй. Но если хочешь, чтобы Северная ОПГ выжила в этой мясорубке — дай мне закончить. Курганских мы обезглавили, но Тюмень теперь попрет буром. У них миллиарды на нефти, у них наемники, у них подвязки в министерствах. Нам нужна армия, а не сходки.

Седой долго смотрел на пистолет, потом на Варяга. Напряжение в его плечах постепенно спало. Он со вздохом откинулся на спинку качалки и потянулся за папиросой.

— Забери пушку, Степа. Не смеши меня, — старик зажег «Беломор», выпустив густой клуб вонючего дыма. — Стрелять я в тебя не стану. Да и кто тогда воевать за нас будет? Боксер, что ли? Он только на рынках торгашей пугать горазд.

Боксер обиженно крякнул, но промолчал.

— Слушай меня внимательно, Варяг, — Седой подался вперед. — Назад дороги нет. Ты кашу заварил — тебе и расхлебывать. Тюменскими рулит Егор «Сизый». Старый волк, мы с ним еще в Тобольске на одной пересылке чалились. Он хитер, как бес, и жестокости нечеловеческой. Карась был просто его цепным псом. Сизый этого оскорбления не спустит.

Он пришлет в Москву своих ликвидаторов. Уральские спецназовцы, отморозки без тормозов. Они пленных не берут.

Старик повернулся к Боксеру:

— Боксер, хорош сопли на кулак наматывать. Поднимай всех своих бойцов. Все точки — под ружье. С сегодняшнего дня в Москве в одиночку никто из наших не ходит. Машины только бронированные. Всех подозрительных на дальних подступах гасить.

— Понял, Петрович, сделаю, — Боксер вскочил, обрадованный тем, что гроза миновала. — Прямо сейчас парней на ноги подниму.

— А ты, Степа, — Седой снова посмотрел на Варяга, — бери общак, который Дипломат вел, и прячь его так, чтобы ни одна сука не нашла. И ищи выходы на Шаповалова.

Варяг удивленно приподнял бровь:

— На майора из МУРа? Он же под нас три года копает. Спит и видит, как меня на нары отправить.

— Шаповалов — мент правильный, честный, из старой гвардии, — Седой криво усмехнулся. — Взятки не берет, за что его начальство и не любит. Но он москвич, и он не захочет, чтобы уральские отморозки устроили из его города Чикаго тридцатых годов. Сейчас твоя стрельба в «Тропикане» у него на столе лежит. Он землю носом рыть будет. Тебе нужно сыграть на опережение. Дай ему то, что он хочет — слей ему остатки курганской пехоты в Москве. Пусть МУР своими руками зачистит город от чужаков, пока мы готовимся к встрече с Сизым.

Варяг медленно кивнул, обдумывая слова вора. В этом был резон. Использовать государственную машину против уральских — ход циничный, но эффективный.

В этот момент в гостиную быстро вошел Кабан. Его лицо было бледным, несмотря на мороз.

— Андреич, Петрович, беда, — тяжело дыша, произнес гигант. — По радио в машине передали. Полчаса назад в своей квартире на Кутузовском взорван прокурор округа, который вел дело по приватизации нефтебазы в Капотне. Тот самый, с которым Дипломат договаривался. Тюменские не стали ждать утра. Они начали зачищать концы в Москве.

Варяг медленно взял со стола свой ПСМ, загнал патрон в патронник и поставил пистолет на предохранитель.

— Ну вот и всё, — тихо сказал Степан, глядя на огонь в камине. — Вежливость закончилась. Начинается большая война.

Глава 7: Мент из уходящей эпохи

Декабрьская ночь неохотно уступала место грязно-серому московскому утру. На Петровке, 38, в кабинете майора милиции Игоря Владимировича Шаповалова, дым от сигарет «Прима» стоял такой плотный, что сквозь него с трудом проглядывала висевшая на стене карта столицы, испещренная жирными красными кругами. Каждый круг отмечал зону влияния ОПГ. Но то, что произошло за последние двенадцать часов, ломало все привычные схемы.

Шаповалов, сорокалетний оперативник МУРа с глубокими мешками под глазами и въевшимся запахом дешевого табака, со злостью швырнул на стол папку с оперативной сводкой.

— Ну что, орлы, дождались цивилизованного рынка? — хрипло обратился он к двоим молодым лейтенантам, сидевшим у двери. — Полюбуйтесь. В Переделкино — филиал Сталинграда, особняк разнесли из гранатомета. На Новом Арбате в «Тропикане» пять трупов, включая Сашу Дипломата, главного казначея Северных. А вишенкой на этом кровавом торте — взрыв прокурора на Кутузовском. Город превращается в скотобойню, а вы мне тут рассказываете про нехватку бензина на выезды!

— Игорь Владимирович, так по «Тропикане» свидетели говорят — работал сам Варяг, — осторожно подал голос один из лейтенантов. — Почерк его: хладнокровно, в упор, охрану сняли за секунды, музыка даже не прервалась. Похоже, у Северных внутренний передел.

— Передел, говоришь? — Шаповалов поднялся, подошел к окну и посмотрел на запруженную троллейбусами улицу. — Если бы это был просто передел, прокурора бы не взрывали. Прокурор под Дипломата копал по Капотне. Тут третья сила зашла, сынки. Жестокая, голодная и без тормозов. И если Варяг с Седым сейчас эту силу не остановят, нам придется трупы со стадионов грузовиками вывозить.

В этот момент на рабочем столе Шаповалова зазвонил прямой телефон. Майор со вздохом снял трубку:

— Шаповалов слушает.

— Здорово, командир, — раздался в трубке ровный, глуховатый голос, от которого у майора мгновенно перехватило дыхание. Этот голос он слушал на оперативных записях последние три года. — Не ори и не дергайся. Записывай адрес. Рогожский Вал, заброшенное трамвайное депо, дальний ангар. Через час. Приедешь один — уедешь с информацией, которая спасет твою карьеру. Возьмешь хвост из РУОПа — ангар взлетит вместе с тобой. Время пошло.

В трубке раздались короткие гудки. Шаповалов медленно опустил руку.

— Игорь Владимирович, кто это? — спросил лейтенант.

Майор молча достал из ящика стола табельный ПМ, проверил магазин, загнал патрон в патронник и спрятал пистолет в кобуру под потертым пиджаком.

— Сидите здесь. Если через два часа не вернусь — поднимайте главк по тревоге. Я поехал на встречу с призраком.

Заброшенное трамвайное депо на Рогожском Валу встретило майора звенящей тишиной и запахом ржавого железа. Огромные кирпичные своды ангара сталинской постройки частично обвалились, и внутрь падал редкий колючий снег. Шаповалов оставил свой потрепанный служебный «Москвич» у въезда и медленно пошел вглубь полутемного помещения, держа руку на рукоятке пистолета. Под его ногами хрустели битое стекло и замерзшие лужи.

— Оружие доставать не надо, майор. Не успеешь, — голос раздался откуда-то сверху, со старых ремонтных мостков.

Шаповалов замер. Из тени массивного, полуразобранного вагона трамвая медленно вышел Степан «Варяг» Воронов. Он был все в том же тяжелом кашемировом пальто, но руки держал в карманах. Чуть поодаль, за ржавой железной балкой, Шаповалов заметил силуэт огромного мужчины — Кабан страховал своего бригадира, держа руку под полой куртки.

— Воронов, — Шаповалов не снял руку с кобуры. — Ты хоть понимаешь, что за тобой сейчас вся Москва бегает? Твой налет на «Тропикану» — это расстрельная статья. Я могу прямо здесь тебя положить при задержании, и мне орден дадут.

— Орден тебе дадут посмертно, Игорь Владимирович, если ты меня сейчас не выслушаешь, — Варяг подошел ближе, остановившись в трех метрах от мента. Его лицо было бледным от усталости, но взгляд оставался абсолютно спокойным. — Саня Дипломат был предателем. Он сдал меня курганским, чтобы лечь под Тюмень. Тех курганских, что взрывали прокурора и резали твоих патрульных, я сегодня ночью частично умножил на ноль в Переделкино. Карась мертв. Но это только начало.

— Ты мне зубы не заговаривай, Варяг! — Шаповалов сделал шаг вперед. — Вы устроили бандитский беспредел в жилом поселке! Прокурора взорвали!

— Прокурора взорвали не мы, — жестко перебил его Варяг. — Это почерк уральских ликвидаторов. Их нанял Егор Сизый, тюменский авторитет. Прямо сейчас в Москву едут три бригады отморозков с Урала. Это бывшие бойцы спецназа и киллеры, у которых вместо мозгов — пустые гильзы. Им плевать на воровские понятия, и на твои ментовские законы им тоже

плевать. Они пришли забирать нефтяной транзит. Если они обоснуются в городе, они начнут взрывать банки прямо вместе с клиентами, чтобы забирать активы. Тебе это надо, майор?

Шаповалов замолчал, обдумывая слова бандита. Как оперативник, он понимал, что Варяг не врет. Тюменский след уже всплывал в оперативных сводках, но МУРу не хватало конкретики.

— Что ты предлагаешь, Воронов? — хмуро спросил майор. — Сделку? Я с бандитами договоров не подписываю.

— Мне не нужен договор, мне нужен холодный расчет, — Варяг вытащил из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и протянул его Шаповалову. — Здесь адреса трех конспиративных квартир в Люберцах и Измайлово. Там сейчас отсиживается пехота курганских — те, кто уцелел после Переделкино и обеспечивал отход киллеров. Оружие, взрывчатка, черные «Чероки» — всё там. Бери свой ОМОН, штурмуй, делай показатели для главка. Очисти мне тылы от шестерок.

Шаповалов взял листок, бегло пробежал глазами по адресам.

— А взамен? Что ты хочешь взамен, Степа? Чтобы МУР закрыл глаза на то, как ты будешь резать уральских?

— Взамен я хочу, чтобы ты не путался у меня под ногами следующие сорок восемь часов, — Варяг посмотрел майору прямо в глаза. — Мы с Седым встретим уральских сами. На нейтральной территории. Если мы их положим — город останется за нами, и в Москве будет относительный порядок, к которому ты привык. Если они положат нас — тебе придется вызывать внутренние войска, потому что Сизый превратит столицу в ад. Выбирай, майор. Время пошло.

Варяг развернулся и быстрым шагом пошел к дальнему выходу из ангара. Кабан бесшумно двинулся за ним, не сводя глаз с Шаповалова.

Майор остался стоять посреди заброшенного депо, сжимая в руке листок с адресами. Он понимал, что сейчас совершает должностное преступление, идя на поводу у лидера ОПГ. Но логика Варяга была убийственно верной: чужаков нужно было выжигать чужими руками.

Глава 8: Охота в Измайлово

Сводный отряд ОМОНа и оперативников МУРа выдвинулся на перехват в половине восьмого утра, когда над серыми панельными многоэтажками Измайлово только-только занимался холодный декабрьский рассвет. Майор Шаповалов сидел на переднем сиденье головного ведомственного «пазика», сжимая в кармане куртки листок, полученный от Варяга. Сделка с бандитом жгла ему руки, но профессиональное чутьё подсказывало: Степан выдал не дезинформацию.

— Всем приготовиться, — негромко скомандовал Шаповалов в рацию. — Объект — девятиэтажка на Сиреневом бульваре. Квартира на четвертом этаже, угловая. Работаем жестко. По оперативным данным, внутри группа прорыва курганских. На компромиссы не пойдут. Оружие применять без предупреждения при малейшей угрозе.

Автобус притерся к обледенелому бордюру метрах в пятидесяти от подъезда. Из задних дверей мгновенно высыпали бойцы ОМОНа в камуфляже «городской подлесок» и тяжелых сферах, держа наготове укороченные автоматы и массивный стальной таран для выбивания дверей. Они двигались слаженно, цепочкой, скрываясь за припаркованными во дворе покрытыми инеем «жигулями» и «москвичами».

Шаповалов шёл следом, держа табельный ПМ на уровне груди. Пар изо рта вырывался густыми облаками. Во дворе было безлюдно — редкие прохожие при виде вооруженных людей в масках инстинктивно вжимали головы в плечи и спешили скрыться в арках.

ОМОН ворвался в подъезд, глухо топая тяжелыми ботинками по бетонным ступеням. Лифт выключили заранее. Поднявшись на четвертый этаж, штурмовая группа замерла у глу-

хой стальной двери квартиры номер 42. Старший группы моргнул майору, поднял три пальца, затем два, один…

Тяжелый стальной удар тарана разнес замок в щепки. Дверь со свистом влетела внутрь прихожей.

— Лежать! Милиция! — рявкнул первый боец, влетая в проем с щитом.

Вместо криков о пощаде или звука падающих тел из глубины квартиры ударила бешеная, оглушительная автоматная очередь. Пули калибра 5,45 со свистом прошивали тонкие межкомнатные перегородки из дранки и гипса. На лестничную площадку полетела бетонная крошка, полетели куски обоев. Один из омоновцев охнул и повалился назад — пуля прошла навылет через плечо, окрашивая камуфляж в ярко-алый цвет.

— Граната! — истошно закричал кто-то в глубине коридора.

Из проема вылетела тяжелая оборонительная «лимонка» Ф-1, со звоном покатившись по паркету прямо к ногам штурмующих.

— Назад! Назад все! — Шаповалов прыгнул спиной на лестничный пролет, увлекая за собой молодого лейтенанта.

Взрыв внутри панельного дома прозвучал как удар грома. Волна выбила окна во всем подъезде, сверху посыпалась штукатурка, а из дверного проема сорок второй квартиры повалил густой черный дым. Начался пожар — судя по всему, вспыхнула канистра с бензином или боеприпасы.

Но курганские не собирались сдаваться. Сквозь дым и копоть на лестничную площадку вывалился мужчина в тельняшке и натовских камуфляжных штанах. Его лицо было обожжено, а в руках он держал полноценный десантный АК-74. Он поливал пространство перед собой веером, не целясь, с диким, безумным оскалом.

Шаповалов, прижавшись к бетонным перилам этажом ниже, поймал силуэт боевика в прицел своего ПМа. Время словно замедлилось. Майор плавно нажал на спуск раз, другой, третий. Две пули ударили курганцу в бок, заставив его споткнуться, а третья прошила шею. Автомат выпал из его рук, и бандит тяжело покатился по ступенькам вниз, хрипя и заливая бетон кровью.

— Заходим! Заходим! — скомандовал старший омоновцев, и оставшиеся бойцы ворвались в горящую квартиру.

Через три минуты всё было кончено. Внутри обнаружили еще два обгоревших трупа. В комнатах на полу, среди кусков разбитой мебели и стреляных гильз, лежали вскрытые ящики с патронами, три гранатомета «Муха» и рация, настроенная на частоту московского ГАИ. Курганская пехота была ликвидирована на месте.

Шаповалов зашел в развороченную гостиную, кашляя от едкого дыма. Под ногами хрустел обгоревший пластик. На уцелевшем куске журнального столика лежала раскрытая карта Подмосковья. Майор наклонился и вгляделся в нее. Один из секторов был обведен жирным черным маркером, а рядом рукой было написано: «Объект "Башня". Встреча в 21:00».

Шаповалов вытащил платок, аккуратно взял карту за край и сложил ее. Он понял, что Варяг выдал ему только первый эшелон курганских — тех, от кого Северные хотели избавиться чужими руками. Основной удар уральских ликвидаторов Сизого должен был произойти именно там, на этой таинственной «Башне».

Тем временем на Южном порту, в одном из закрытых боксов автобазы, Варяг стоял перед открытым капотом камуфляжного «Гранд-Чероки». Кабан и Смурф молча укладывали в багажник тяжелые брезентовые сумки. Внутри сумок глухо побрякивали рожки к автоматам, гранаты и свежие комплекты радиостанций скремблированного типа, которые Дипломат успел закупить для банды через свои каналы в Германии.

На засаленном диване в углу бокса сидел Боксер, нервно крутя в руках массивную золотую зажигалку. Его люди уже прочесывали рынки, но новости с улиц шли неутешительные:

уральские ликвидаторы зашли в город мелкими группами под видом коммерсантов, и вычислить их в многомиллионной Москве было почти невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.